

ШЕВЦОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЕНИАМИНОВИЧ

Доцент каф. отечественной истории ИФ ТГУ, канд. истор. наук

**«ТОМСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»
О СОБЫТИЯХ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И
ПЕРВОМ РОССИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ**

Революция 1905-07 гг. была первым масштабным и непривычным потрясением устоев русского общества. «Праздник угнетенных» характеризовался акциями социального протеста и вооруженным противостоянием, необыкновенным накалом политической борьбы, общественным ожесточением и озлоблением. Фактически на территории страны развернулась гражданская война. Политические прения, выборы, экспроприации, теракты, демонстрации, забастовки и другие события революции происходили как непосредственно, так и разворачиваясь на страницах газет, делая читателя сопричастным местным и общероссийским событиям. Самодержавие, утратив действенный контроль за частными изданиями и провозгласив свободу слова, вынужденно было вступить в информационную войну с социалистической и либеральной оппозицией за влияние на умы своих подданных. В эту войну власть была вовлечена по необходимости, не располагая сколько-нибудь значительным опытом и с исчерпанным кредитом общественного доверия. В дореволюционный период ее отношение к частной прессе выстраивалось в охранительном «обезвреживающем» направлении. Борьба с «крамолой» путем цензурных ограничений, штрафов, недопущения новых и закрытия прежних изданий была важнее, чем развитие и расширение собственного правительственного сегмента периодической печати, как действенного оружия в формировании общественного мнения. 24 декабря 1904 г. член Совета Главного Управления по делам печати, историк и дипломат в отставке, С.С. Татищев отмечал в записке об организации правительственной повременной печати, что «наше правительство всегда относилось к печати только отрицательно. Не мудрено, что вся русская повременная печать мало помалу перешла на сторону его ненавистников и заклятых врагов. В настоящее время нет положительно ни одной газеты в России, которая убежденно и убедительно отстаивала бы наш исторический исконный государственный строй». Накануне революции, в ряду немногих наиболее дальновидных царских чиновников, Татищев понимал, что искусство влиять на общественное мнение через печать составляет крайне насущную потребность, но «мысль эта туго или вовсе не прививается в наших бюрократических сферах, признающих инструмент негодным только потому, что не умеют на нем играть».

Существовавшая накануне 1905 г. правительственная печать включала в себя специальные ведомственные и министерские издания («Сенатские ведомости», «Церковные ведомости», «Русский инвалид» и другие); губернские и областные ведомости; «Правительственный вестник» и выходявший в качестве приложения к нему «Сельский вестник». За исключением «Сельского вестника», рассчитанного на крестьянскую аудиторию, эти издания были адресованы, главным образом, чиновникам, которые являлись обязательными подписчиками. Ведомственные издания содержали в себе исключительно официальную специальную информацию. Местные ведомости, кроме того, имели неофициальный отдел, по-разному наполнявшийся в губерниях, но ограниченный пунктами программы издания. «Правительственный вестник» являлся основным официальным органом правительства и был «головным» изданием для прочей казенной прессы. Несмотря на первоначально широкую программу, к началу революции «Вестник» представлял собой по большей части справочное издание, публиковавшее правительственные распоряжения и сообщения. В сравнении с эффектными по форме и содержанию частными изданиями газеты правительства выглядели бледно. То же можно сказать и относительно их бюджетов, которые образовывались за счет обязательной подписки, публикаций объявлений и государственных субсидий. В силу своего некоммерческого характера правительственные издания были либо убыточными, либо ненамного покрывали издержки на свое существование. Так, «Правительственный вестник» имел доход от подписки 154 004 руб., доход от объявлений 193 104 руб. Дефицит по этой газете доходил до 19 тыс. рублей. Организационный уровень государственной периодики был представлен Главным управлением по делам печати, основной функцией которого было цензурирование частных изданий.

В ходе революции, в пожарном порядке, под огнем критики как справа, так и слева, самодержавная власть стремилась использовать, реорганизовать и усовершенствовать имеющиеся в ее распоряжении органы печати для стабилизации ситуации и проведения контрполитики в отношении радикально-революционной и либеральной идеологии.

Каким образом правительственная газета Томской губернии изображала и оценивала события первой русской революции? Какой по характеру и содержанию материал предлагался читателям и воздействовал ли он на общественное мнение в положительном для правительства смысле? Избранные в качестве источника выпуски «Томских губернских ведомостей» за 1907 г. (далее ТГВ), выходили два раза в неделю (по средам и воскресеньям) и как аналогичные издания состояли из двух частей: официальной, в которой публиковались общегосударственные узаконения, распоряжения губернатора, постановления городской думы, объявления коммерческого и административного характера, и неофициальной, приближающей газету к публицистическому изданию. Несмотря на свой провин-

циальный статус, губернские ведомости содержали очень оперативную (с 1882 г. стала использоваться телеграфная связь), представительную и разножанровую информацию: публикации центральной прессы (в дореволюционной печати перепечатки и ссылки на статьи из «дружественных» изданий были весьма распространены), авторские статьи о последних столичных, мировых и региональных событиях, хронику происшествий, рекламу, фельетоны, очерки, научные статьи, статистические сведения. Газета цензурировалась вице-губернатором. В сохранившемся до нашего времени специальном «контрольном» выпуске ТГВ, отпечатанным на плотной, более качественной бумаге, цензор оставлял на полях свои пометки, вычеркивал и заменял слова (как правило в сторону смягчения смысла), расширял или уменьшал объемы статьи. В сравнении с неофициальной частью дореволюционного периода почти исчезли сообщения о заграничных событиях, резко возросло число опечаток.

Сообщения, публикуемые в неофициальной части можно разделить на четыре темы: образ революции и революционных сил, образ русского народа, образ монархических антиреволюционных сил, политически нейтральные статьи. Сообщения относились к темам единожды, исходя из содержания, заглавия и основной мысли статьи; объем сообщения не учитывался (распределение сообщений ТГВ 1907 г. по темам смотри в прилагаемой таблице).

Исходя из полученных данных мы видим, что в первой половине 1907 г. ТГВ были крайне политизированным изданием, содержащим более 90 % статей о происходивших или происходящих в стране революционных событиях. Во второй половине 1907 г., с роспуском оппозиционного парламента, выборами по новому избирательному закону и началом работы III Думы политические страсти на страницах ТГВ утихали, уступая место небольшим по объему печатной площади нейтральным сообщениям. Доля статей посвященных революции и русскому народу уменьшилась, что наводит на мысль о взаимосвязанности этих сюжетов. Одержавшим победу монархическим силам стало уделяться большее внимание. Однако языком цифр невозможно передать голос эпохи, его интонации и оттенки. Некоторые выдержки из ТГВ 1907 г. позволяют проследить каким образом представлялись и оценивались события первой русской революции на страницах официальной газеты «умственного центра Сибири».

Образ революции и революционных сил.

Революция 1905-07 гг. рассматривалась как «освободительный кошмар», «стало творится что-то неладное. Точно все сбилось с пути...» (№ 29, 15 апреля, «Харьковские ведомости»), «...мы утопаем теперь в такой свободе и «свободах», что даже разбойничьему племени курдов можем дать по этой части десять очков вперед», «... все, чем жила и кре-

пла Русь, - все это оплевано, поругано, предано, обеславлено» (№ 32, 2 мая). С официальной точки зрения революция была организована евреями и «шабесгоями», ее разжиганию способствовали «глубоко невежественное и крайне безнравственное студенчество», «зарвавшаяся молодежь» (№ 21, 18 марта), а также «беспочвенная, праздная и суестьющаяся интеллигенция» (№ 8, 28 января). Революционеры финансировались при помощи «глупых и случайных людей, из которых были выманены крупные деньги» и капиталов, которые «вкладывались в азартную спекуляцию в надежде на возвращение с огромными процентами» (№ 6, 21 января). Эпитеты, посредством которых описывались революционеры и, вообще, «левые» создавали образ малокультурного и социально опасного элемента: «герои из подворотни» (№ 11, 8 февраля), «враги России и русского народа» (№ 12, 11 февраля) «прилично одетый молодой человек захватного тона» (№ 19, 10 марта), «социалхулиганы» (№ 34, 9 мая), «пропагандцы» (№ 29, 15 апреля), «социал-погромщики» (№ 30, 18 апреля), «дикая революционная орда» (№ 32, 2 мая), «элементы низшей культуры» (в оценке немецких студентов и профессоров, № 21, 18 марта), «взъерошенные друзья и бастующие школяры, орущие “отречемся от старого мира”» (№ 33, 6 мая). Их деятельность пустопорожняя и вредоносная: «болтовня» (№ 8, 28 января), «книжность и босяцкая беспочвенность» (№ 13, 14 февраля), «бунтания» (№ 18, 7 марта), «социальный вздор» (№ 21, 18 марта), «ограбные подвиги» (№ 62, 15 августа, «Русская Земля»).

Образ Думы – невежественное и стихийное учреждение, «очаг смуты, грабежей и разбоев» (№ 46, 20 июня, «Харьковские ведомости»), «еврейско-кадетский митинг» (№ 82, 28 октября). «Этот Ноев ковчег, этот библейский сбор всякой твари: чистой по паре, нечистой по семи пар, эта бессмысленная толпа друг на друга оскаливающих зубы людей, в лучшем случае ни к какому делу не пригодных, а в подавляющем большинстве феноменально невежественных и безграмотных» (№ 18, 7 марта, «Русское Дело»).

Государственная Дума в целом дискредитировалась как учреждение способное представлять интересы коренного русского населения: «в русской Государственной Думе нельзя сказать «Привисленские губернии», чтобы не раздался крик «Царство Польское!» (№ 30, 18 апреля), «... во время пламенной речи какого-то кавказского «человэка» один русский крестьянин – депутат обратился к председателю Думы с просьбою – пригласить переводчика для перевода на русский язык непонятной для него речи...», «... в Ташкенте был выбран в депутаты некий мулла... этот «депутат без языка», при взгляде на показанные ему в «Родном Слове» рисунки, мог только назвать «козлика», воскликнув при этом радостно: «Бабашка! Бабашка!» (№ 29, 15 апреля)

Деятельность «левых» депутатов Думы первого и второго созывов оценивается как корыстная, неконструктивная, комичная: «Роль «законодателей», щедро оплачиваемая к

тому же десятирублевым суточным вознаграждением, которое, по словам крестьян, никакой косовицей не заработаешь, роль очень лестная и приятная. Расстаться с этой ролью, получить деньги на обратный проезд в родные палестины и вернуться в «первобытное состояние» перспектива не из приятных». (№ 21, 18 марта)

«Шайка бунтовщиков, кричащая так, что потолки падают». (№ 22, 21 марта). Имеется ввиду обвал потолка в Таврическом дворце, происшедший до открытия заседания ранним утром 2 марта.

«Тщетно правые и умеренные призывают думских революционеров и «народную свободу» приняться за дело и не получать из казенного сундука «за одну болтовню по 10 р. в сутки. «Социалы» и «трудовики» ни о каком труде не помышляют, а ведут войну с правительством... Два месяца бестолковой невежественной болтовни окончательно успели уже подорвать авторитет “законодателей”» (№ 30, 18 апреля)

Среди политических партий особой критике (практически в каждом номере) подвергались кадеты. Это партия «политических недорослей» (№ 8, 28 января), «бунтовщическая партия» (№ 12, 11 февраля), она усвоила «скверную и вздорную привычку говорить от имени всего народа» (№ 33, 6 мая). Лидеры партии – люди беспринципные и лицемерные. П.Д. Долгоруков, один из ее основателей, обвинялся в том, что «купив в Ружском уезде имение за 0,5 млн., хотел всучить его Крестьянскому банку за 1,2 млн. рублей... Любому жиду можно поучиться у нашего родовитого князя, как наживать на рубль – два с полтиной! Человеку Бог мозга не дал, но свои делишки он тонко понимает». В ходе выборов кадеты использовали «черный пиар»: перекупка бюллетеней, подстрекательство детей красть бюллетени у своих родителей, вброс кадетских списков в урны (№ 10, 4 февраля).

Томскому отделению партии кадетов, идейным рупором которого стала «Сибирская жизнь», также доставалось от ТГВ: «Опубликованный нашими “кадетами” список кандидатов в выборщики, можно сказать, блестящий: три купца, («целых» – вычеркнуто цензором) четыре профессора, а остальные - тоже “умственные интеллигенты”. Что в кадетской списке красуются имена четырех профессоров, - в этом, конечно, ничего удивительного нет. Но как в него попали трое купцов – это решительно непостижимо. Очевидно, у этих купцов, на («на спине» - вычеркнуто) которых думают выехать поправевшие для виду кадеты, мало своей купеческой амбиции, а память у них несомненно короткая... Чтонибудь одно из двух: или (гг. Максимов, Житков и Толкачев – заменено на “эти купцы”) не сегодня-завтра откажутся от своих “капиталов” в пользу “трудящегося класса” и превратятся в настоящих “умственных интеллигентов”, или они играют роль ширмы, роль приманки, на которую наши кадеты рассчитывают словить голоса более умеренных элементов...» (№ 74, 26 сентября).

ТГВ старались доказать, что целью революционеров с достатком является отнюдь не всеобщее равенство, а личное обогащение, прикрытое идейным фарисейством: «... Вот я знаю одного публициста в рясе... Не то он социал-демократ, не то революционер, но что-то среднее между тем и другим. На деле же этот смиренный аскет, индифферентный ко всем земным благам «батюшка» выговаривает себе самый высокий построчный гонорар и считает плохим тот год, в который он заработает меньше 20 тыс. рублей-целковых. Но излишек свой этот эс дек «батюшка» вовсе не отдаст «бедному и обездоленному» мужику. Нет «батюшка» любит тонкие вина, у «батюшки» барская квартира, с мебелью в силе декаданс, со всякими там кушетками и козетками» (№ 9, 31 января, «Голос Москвы»).

Революционное студенчество обвинялось в пренебрежении к учебе, иждивенчестве, социальной безответственности: «Всем известно, что занимаясь серьезно, ни студентам, ни курсисткам времени на политические дела нет и быть не может, и невольно напрашивается вопрос: каких врачей, юристов, педагогов и ученых даст нам это поколение?» (№ 21, 18 марта, «Киевлянин»)

В качестве авторитетного и независимого мнения ТГВ цитировала иностранные издания. Например, либеральная «Nat Zeit» высказывала такое мнение: «...в России нет вполне сознательных партий преследующих строго определенные цели, если не считать сторонников безрассудного разрушения всего существующего... К сожалению, Россия во многом непохожа на Европу, и до тех пор, пока Дума большей частью состоит из некультурных крестьян и рабочих, и никто не может под страхом смерти свободно высказывать своих убеждений, принцип открытой подачи голосов в ней неприменим. Кто же отважится открыто и честно высказать свои убеждения, зная, что получит в виде возмездия, бомбу, пулю или удар ножом?» (№ 17, 28 февраля).

На страницах ТГВ антиправительственные революционные силы, как в самих верхах, так и низах демонстрировали неуважение к верховной императорской власти, чтобы вызывать презрение и гнев у читателя. «Левые» фракции на первом заседании II Думы «не отзываются на ответ» «правых» Царскому слову, гласивший: «Да здравствует Государь Император», с места сидения не встают и «ура» в честь Царя не поддерживают» (№ 30, 18 апреля). В статье «Еврейская наглость» описывается такой случай: «В одном из одесских клубов, по словам, «Русской Речи», на днях имел место следующий случай. Во время общей карточной игры к одному из посетителей клуба еврею, стоявшему около стола, подошел его кредитор, которому он был должен по клубу небольшую сумму денег, и попросил отдать их ему. Тогда этот еврей, указав рукой на портрет Государя Императора, сказал: «Обратитесь вот к этому офицеру, он вам их отдаст». Слышавшие это и возмущенные, конечно, не евреи, пригласили дежурного старшину и рассказали обо всем. Старшина

распорядился о немедленном удалении этого еврейчика из клуба без права входа в него когда бы то ни было» (№ 19, 11 марта).

Воззвание революционеров к «народу» – это провоцирование стихийно-разрушительных инстинктов: «это тот “народ”, который устраивал “иллюминации” помещичьих усадеб, порол животы породистым лошадям и овцам и топил их в реке, швырял бомбы не только в “сатрапов”, но и в вагоны городских железных дорог, в женщин и детей, расстреливал из-за угла городских и солдат, грабил банки, кассы, почтовые конторы, рвал царские портреты, производил кощунства в православных храмах, бастовал на фабриках и заводах, бастовал в школах, чуть-чуть не забастовал было в судах и даже в губернских управлениях и проч. и проч. и все-таки это не весь русский народ, а только “сливки” его, “лучшая”, “сознательная”, “мыслящая”, “оппозиционная”, его часть» (№ 33, 6 мая).

Томск был также отмечен экспроприаторскими актами. 21 августа было совершено дерзкое нападение экспроприаторов на бухгалтера томского технологического института Д. Н. Соковнина, однако ему удалось отбиться от нападавших (№ 64, 22 августа). Через два месяца, 20 октября, эта история получила трагическое продолжение. Соковников был тяжело ранен и скончался в больнице, хотя «экс» закончился безрезультатно, поскольку нападавшие, сосредоточив свое внимание на сейфе, не посмотрели на стол, на котором лежали аккуратно разложенные по конвертам деньги для выдачи жалования (№ 82, 28 октября; № 83, 31 октября). После убийства Соковникова левые силы начали открещиваться от своего прямого в нем участия и косвенного влияния. Местное отделение партии кадетов в Технологическом институте выразило порицание случившемуся и начало сбор подписей согласных с этим заявлением. На состоявшейся 25 октября студенческой сходке в Университете убийцы также были осуждены. В то же время в газете «Время» местного отделения «Союза 17 октября», в № 232, была опубликована статья «Октябрист», в которой павший от рук экспроприаторов изображался в качестве примера высоких душевных качеств тех людей, которые представляют партию октябристов. ТГВ на этот счет резко возражала: «Мужество, каким обладал покойный герой долга Д.Н. Соковников вовсе не есть качество присущее октябристам вообще. Наоборот, это люди именно робкие, пугающиеся как правых, так и левых... Но тот пример, к которому в данном случае прибегла газета «Время» для восхваления партии октябристов кажется нам глубоко предосудительным и сугубо бестактным... Нет, не “октябрист” сказался в трагически погибшем Д.Н. Соковнине, а прежде всего честный и мужественный русский человек, свято исполнивший свой долг перед Царем и Родиной» (№ 82, 28 октября).

В последние месяцы 1907 г. политические полемические материалы заметно уступили место городским повседневным событиям (проект автомобильного движения, пробы воды в Томи, отсутствие уличного освещения, увеличение потребления водки в России и т.д.) Вице-губернатор Мейер, исполнявший роль цензора ТГВ, стремился смягчить ставшие привычными за годы революции антисемитские выпады. Так, в статье «Агония еврейского социализма» им были сделаны такие правки: «жидовский социализм» – «еврейский социализм», «национализм победил жидовский международный социализм» – «национализм победил еврейский международный социализм», «жидовская жадность» – «ненасытная жадность», «... наши социал-демократы, особенно наиболее тупые между ними – большевики...» – «... наши социал-демократы, особенно наиболее неразвитые между ними – большевики...» (№ 79, 17 октября).

Образ русского народа

Русский народ изображался на страницах ТГВ как простой и бесхитростный, обманутый и ввергнутый в искушение революционными силами, обещавшими мгновенное улучшение жизни в случае свержения существующего строя: «... добросердечные агитаторы обещают крестьянам в своих прокламациях сколько угодно чужой земли, а также клянутся в том, что после объявления республики бедных больше не будет» (№ 29, 15 апреля). «Насколько непрощенные “освободители” нравственное звероподобны, заносчивы, высокомерны, беспокойны и бестолковы, настолько народ, настоящий русский народ богобоязнен, смирен, терпелив и мудр» (№ 33, 6 мая)

«У Беранже есть песенка по фею Урганду, которая маленькой палочкой делала большие дела. «Только махнет ею, – мигом // Счастье прольется везде. // Добрая фея, скажи нам, // Где, твоя палочка, где?» Все политические партии уверяют, что эта палочка – у них, что только они умеют проливать... счастье. Но лукава человеческая речь. Многим горько и больно от такого «“счастья”». (№ 13, 14 февраля, «Русское Знамя»). «Это старая песня, это старая дудочка, на которой уже играли и переиграли революционеры всех времен и народов. Каждая новая революционная секта объявляла и впредь будет объявлять свою предшественницу обманщиками народа. Мне невольно припоминается песенка немецких крестьян по адресу их немецких же освободителей. Вот она: “Нам твердили: Вы будете богаты, // Вы сделаетесь счастливыми и уважаемыми, // Нам обещали довольство и счастье, // И вот мы остались в дураках. // Разве мы стали богатыми? // Господи, пожалей нас! // Мы потеряли и те крохи, что имели. // Теперь-то мы и стали бедными ”» (№ 33, 6 мая)

Очерк о вдове рабочего, которого «товарищи» увлекли в роковой поход к Зимнему дворцу, должен был вызвать у читателя справедливое негодование и жалость, к поверив-

шим в эти заведомо невыполнимые обещания: «... И как-же мой покойник не хотел идти с ними. Да все равно его бы свои прикончили. Конец-то один был. Мой хозяин Царя-батюшку во как почитал! Детям всегда наказывал за Государя молиться. Товарищи-то ему все твердили: «должен ты за общее дело идти. Если, дескать, что случится, то твоих детей и жену не оставим. А если наша возьмет, то будет рай на земле, а не житье». Да, как бывало начнут расписывать, только дивишься, откуда слов набрали. Как потащили они моего-то, так я его больше живым и не видала. А теперь, они мне же, эти товарищи-то покойного говорят: «Мало-ль вас вдов шляется! всем помогать и сил не хватит... Эта встреча упала мне камнем на душу... Вспомнились бабочки, летящие на огонь, обжигающие крылышки и падающие на скатерть. Так и наши бедные русские люди, думалось мне, идут они из своих деревень в столицу на работу и здесь, как бабочки на огонь, попадают на удочку цветистых фраз и погибают, оставляя свои семьи на голодную, полную лишений и нищенскую жизнь» (№ 8, 28 января, «Колокол»).

Крестьяне обманываются социалистами возможностью узаконенного «черного передела»: «Партия народной свободы или партия неволи русского народа обещает всем обездоленным и угнетенным райское житье, новую жизнь, которая для крестьян, например, обязательно должна наступить вслед за производством в России колоссального грабежа, именуемого принудительным отчуждением частной земельной собственности...» (№ 33, 6 мая). Большинство русского народа, прежде всего крестьянское большинство, против того «нового пути», по которому пытаются повести Россию «умственные интеллигенты»: “чернь непросвещенна” или тот русский народ, который не переставал пахать, косить, сеять, собирать в житницы, торговать, платить подати и давать Царю солдат, когда “товарищи” бастовали на фабриках и заводах, в школах высших и низших, ковали заговоры, фабриковали бомбы, запасались браунингами, пьянствовали и грабили» (№ 33, 6 мая).

Очень внимательны ТГВ к случаям «отрезвления» от революционных «бредней»: юная террористка не смогла убить генерала (№ 10, 4 февраля), Путиловский завод вошел в союз русского народа, «освободившего рабочих завода от сладко напевающих неработающих «товарищей» (№ 8, 28 января), «наш крестьянский люд, по-видимому, не только окончательно разочаровался в тех «великих и богатых милостях», которые судит ему в разных прокламациях эти революционные «товарищи»..., беспощадно предавая своих «благодетелей» в руки правосудия» (№ 29, 15 апреля).

Образ монархических антиреволюционных сил

«Пресловутообновленная Россия» (№ 29, 15 апреля, «Харьковские ведомости»), «противное петербургское болото и продукты его гниения, заражающие Россию» (№ 21, 18 марта, «Новое время») встречали сопротивление со стороны правых, которые избра-

жались как носители рационального, державного и истинно русского начала. «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций; им нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия» (№ 40, 30 мая) – речи П.А. Столыпина во II Думе занимали целые страницы ТГВ.

Оппозиция «хаос» (революция) – «порядок» (самодержавие) присутствовала во многих текстах (например, № 29, 15 апреля, «Харьковские ведомости»). «Одни лишь мы, монархисты, идем на выборы с чистой совестью, безо всякой, сколько-нибудь бы ни было предосудительной, тактики и боремся одною лишь правдой против тысячи измышлений лжи, обмана и мошенничества», – так писали о себе томские монархисты (№ 10, 4 февраля). Сторонники самодержавия с достоинством принимали бранную кличку «левых» – «черная сотня», подчеркивая тем самым свои русскость и приближенность к простому «черному» народу. ТГВ обращалась с воззванием к избирателям губернии, с целью правильного и ответственного подхода к выборам во II Думу: «Русские люди Томской губернии! Отнеситесь к предстоящим вам выборам с величайшим вниманием и осмотрительностью ни на минуту не забывая о Боге, Царе и великой родине-матери. Сплотитесь, объединитесь в могучую русскую семью. Когда избранные вами в выборщики съедутся в Томск, или найдут там уже достаточное число русских людей, объединившихся в Русское Народное Общество за веру, Царя и отечество. Помните, что каждый патриот и верный сын Русской Земли будет в Думе угрозой для врагов России. Такие русские люди, крепкие духом и разумом, уже попали туда и теперь. Поддержите их! Поддержите святое русское дело!» (№ 12, 11 февраля).

«Праздник на улице левых» в России и в Сибири, вызванный тем, что в выборщики прошли «прогрессисты» и «левые» всякой марки» (№ 12, 11 февраля), объяснялся не предпочтением избирателей, а «предвыборными проделками партии народной свободы» (№ 10, 4 февраля), несовершенством избирательного закона, когда «города получили больше выборщиков, чем сельское население, которое избирало правых и умеренных» (№ 17, 28 февраля), абсентеизмом избирателей («из 11 тыс. избирателей по городу Томску участие в выборах приняли лишь 5628», № 29, 15 апреля).

В день выборов (8 апреля) в Томске была активна «левая пропаганда»: «Агитировали главным образом, студенты, учащиеся в средних учебных заведениях, какие-то девицы, мальчуганы еврейского типа. Проходим, преимущественно из простолюдинов, навязываются бюллетени с написанными именами кандидатов, так называемой, «прогрессивной группы избирателей», иначе говоря, - блока кадетов с социалистами-революционерами. Распространяются весьма много заполненных бюллетеней социал-демократической пар-

тии... На Набережной Ушайки, у помещения Биржи, где происходило заполнение бюллетеней членами «союза 17 октября», почти целый день дежурило несколько студентов, которые чуть не силою отвлекали избирателей, желавших войти на биржу и заполнить свои бюллетени именами кандидатов правого блока (№ 29, 15 апреля, «Время»).

После «дела» о раскрытии готовящегося депутатами Думы покушения на императора Томская городская дума на заседании 18 мая постановила отправить Николаю II телеграмму, в которой дума «глубоко возмущенная дерзостным посягательством на Священного Возлюбленного Монарха приемлет смелость повергнуть к стопам Вашего Величества верноподданнические чувства живейшей радости по случаю счастливого избавления от грозившей опасности» (№ 38, 23 мая)

В период выборов в III Думу ТГВ публиковала статьи о деятельности «Союза русского народа» и воззвания этой партии к избирателям, в которых в просторечном стиле разъяснялась текущая политическая ситуация: «Что сделала 2-я Дума за 101 день своего существования? Ругани было много, а закона почти что ни одного не вышло, разве только, что Дума из народной казны положила жалованья на житье своему председателю и секретарям, за безделье, по двенадцати и по шести тысяч рублей в год. Да было ли время Думе делом заниматься и о благе народа думать, когда туда забрались инородцы, изменники, предатели и невежды? Они не думать, а только ругаться умели и в Думу пришли для того, чтобы народ мутить и смуту разводить. Можно ли было к составлению законов допускать таких людей, которые изменили присяге и сами никаких не уважают законов... Сплачивайтесь, русские люди, примыкайте к “Союзу Русского Народа” и выбирайте в новую думу только честных, разумных и хорошо вам известных Русских людей! ... Помните, Русские люди, что счастье можно добыть только святой верой, честью, порядком и упорным трудом. Даром ничего не дается». (№ 71, 15 сентября). Вместо несбыточных золотых гор ТГВ неоднократно предлагала своим читателям ежедневный заработок 1 руб. 50 коп на скоровязальных машинах от томского отделения С.-Петербургского товарищества вязальных изделий (№ 39, 26 мая).

С избранием новой Думы и успокоением общества, вице-губернатор стремился придать ТГВ более привычный верноподданнический вид. Краткое сообщение о том, что «по случаю Тезоименитства Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, 5 октября в Троицком кафедральном соборе будет отслужена литургия и торжественный молебен» было им собственноручно расширено за счет заметки о выпуске облигаций второго городского займа. В конечном виде в печать попала целая статья, в духе уваровской триады: «По случаю дня Тезоименитства Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Великого Князя Алексея Николаевича 5-го октября в Троицком Кафед-

ральном Соборе Высокопреосвященным Макарием Архиепископом Томским и Барнаульским была совершена божественная литургия и после нея благодарственный молебен. В храме присутствовали: Управляющий губернией И.Б. Маршанг, Начальники отдельных частей и учреждений всех ведомств, офицеры воинских частей, расположенных в городе Томске, и множество народа. После богослужения на соборной площади состоялся парад войском местного гарнизона. Парад принимал генерал-майор Редько. В этот день город был украшен флагами, вечером зажжена иллюминация» (№ 76, 7 октября).

Подведем итоги. В период первой русской революции ТГВ, наравне с другими органами печати, находившимися в ведении центральной и местной власти, были мобилизованы для трансляции идей самодержавия, православия и народности. Газета имела ясную антиреволюционную позицию, призывая общественность к мирному реформаторскому решению всех общественно-политических и социально-экономических проблем, под эгидой самодержавия и в допартийной форме. Однако при критике революционных сил издание само приобретало экстремистскую окраску, широко используя характерную для своих оппонентов «слева» эмоциональную риторику и безапелляционность суждений. Подчеркивался высокий уровень насилия со стороны революционных сил. Хотя приводимая в издании цифра в 36 тыс. государственных служащих, погибших в ходе революционного террора, чрезмерно завышена. В 1906-07 гг. погибло свыше 4 тыс. и было ранено около 5 тыс. чиновников. Практически в каждом номере разыгрывалась «национальная карта», присутствовала оппозиция «обманутый народ» – «безумствующие революционеры». Являясь казенным официально-бюрократическим изданием ТГВ усилили неофициальную часть – передовая статья и подборки из крупных изданий европейской России призваны были формировать алармистские настроения по отношению к происходящему в стране, «царапать» душу читателя в нужном направлении. По своей политической окраске газета была скорее антиреволюционной (антикадетской и антисоциалистической, без значимых различий между этими силами), чем «правой», хотя на ее страницах были представлены статьи из черносотенных («Киевлянин», «Русское знамя», «Русская земля» и др.) и октябристских («Голос Москвы», местное «Время») изданий. В этом отношении местные газеты выступали зеркалом газет центральных, транслируя на своих страницах их содержание. Результаты пропагандистской работы ТГВ были невелики. Сибирь на выборах в I, II и III Думу не дала ни одного депутата от правых. Такая ситуация объясняется как реальными антимоноархическими настроениями в обществе, эффективной предвыборной деятельностью кадетов и октябристов, так и тем, что проблема реформирования правительственной печати для формирования благоприятного восприятия самодержавия и его политики была решена лишь частично и кратковременно. Создать оперативное и профес-

сиональное правительственное издание, свободное от бюрократических проволочек, нестесненное в средствах и пользующееся доверием общества так и не удалось (только в период премьерства С.Ю. Витте определенный успех имело «Русское государство», выходявшее как приложение к «Правительственному вестнику» в феврале-апреле 1906 г.)

	Образ революции и революционных сил		Образ русского народа		Образ монархических антиреволюционных сил		Политически нейтральные сообщения		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Январь-июнь 1907	92	37,7	48	19,7	82	33,6	22	9	244	100
Июль-декабрь 1907	56	18,5	34	11,2	124	40,9	89	29,4	303	100